

Слушай, Сяо Чжу, У Сэе за эту дорогу уже раз восемьдесят на тебя паялился. Мы уже в гробницу пришли, а он всё смотрит.

Чжан Юймин как раз наблюдал, как Чжан Цилин погружает свои необычайно длинные пальцы в кирпичную кладку, а затем мгновенно выдергивает их обратно.

Услышав слова 869, он повернулся и посмотрел на У Се, как раз вовремя застав момент, когда У Се почти нос к носу столкнулся с 869.

— ...Ты чего к нему так близко прилип?

Пользуясь тем, что, кроме его хозяина, систему никто не видит, 869 вплотную прижалось лицом к У Се — повезло еще, что У Се этого не замечал.

— Я же тут сигнал с Главным Богом пытаюсь поймать! У Саньшэна, Чжан Цилина и остальных я уже проверил — ноль реакции. Но когда подхожу к У Сэю, сигнал вроде бы едва-едва колеблется, правда, всего на долю секунды. Я тут всё перебрал и пришел к выводу, что дело в расстоянии, вот и подхожу проверить.

— И что ты напроверял?

— ...Ничего.

— Сяо Ба, а тебе не приходилось думать, что дело вовсе не в людях и не в расстоянии? Что вся твоя методика изначально была бесполезна?

— Хм, ничего не слышу, ничего не слышу! Будто старый пень мантру читает.

— ...

Заметив, что Чжан Юймин смотрит на него, У Се сделал несколько быстрых шагов, подошел ближе и протянул руку:

— Привет, давай познакомимся официально. Я У Се.

Чжан Юймин посмотрел на протянутую руку У Се, пожал ее и с улыбкой произвел ответное представление:

— Привет, я Чжан Юймин.

— Да, чуть не забыл, это тебе. Утром вылетело из головы.

С этими словами У Се полез в рюкзак, достал оттуда мерцающую голубым светом бусину и протянул ее Чжан Юймин.

Чжан Юймин протянул руку, взял ее и с улыбкой поблагодарил.

У Се помялся с полминуты, украдкой бросая на него взгляды, и наконец, не совладав с раздиравшим его любопытством, осторожно начал:

— Братец Чжан, можно спросить, что это за бусина? И еще... то, что было вчера в самом конце...

Чжан Юймин поднял бусину, поднес ее к свету: та была кристально чистой, и внутри нее угадывалось слабое струящееся сияние.

— Это жемчужина сбора душ. А то, что было вчера — женский призрак-марионетка, душа кормильца. Именно благодаря ей этот призрак смог покинуть тело, которое давным-давно превратилось в ходячего мертвеца.

Он спрятал бусину и тихонько шепнул У Се:

— Что же до этой марионетки... она прямо за твоей спиной.

У У Се от этих слов мгновенно волосы встали дыбом, глаза забежали во все стороны, а тело инстинктивно попыталось прижаться к Чжан Юймину.

Почувствовав, что У Се подбирается слишком близко, Чжан Юймин поднял взгляд и пресек его попытку сблизиться.

— Шучу я, она уже переродилась в новом круге сансары.

Хоть У Се ничего и не видел, Чжан Юймин искренне считал, что тот должен быть ему благодарен, иначе ему бы снова пришлось столкнуться с 869 нос к носу.

У Се судорожно вздохнул, с облегчением сгоняя страх от пережитого испуга, и уже собрался было что-то сказать, как его прервал голос У Санышэна.

— Племяшка, хорош болтать, спускаемся в гробницу. Держи ухо востро.

У Сэю пришлось проглотить распиравшее его любопытство. Едва переступив порог погребальной камеры, они увидели стоявшую в самом ее центре каменную и массивный ритуальный треножник-дин, обхватить который понадобилось бы втроем.

Стоило им войти, как взгляд Панцзы тут же прилип к этому дину — опираясь на свой многолетний опыт, он был уверен, что внутри сокрыты несметные сокровища.

Он на всех парах подбежал к дину, смело перекинул ногу и залез внутрь. Заглянув вовредину, он ахнул: там и впрямь лежали первоклассные вещицы баснословной стоимости, и он тут же принялся подзывать Третьего дядечку и остальных.

Чжан Юймина вся эта добыча мало интересовала — его внимание привлекла молниеносная фигурка 869.

То ли заразившись примером У Се, то ли вспомнив, что в этом мире лишь Чжан Юймин способен его ощущать, 869 почувствовало, как разгорающееся внутри любопытство переходит все границы и грозит принять самоубийственные формы.

Завидев каменный саркофаг, система тут же влетела внутрь и, включив всю слепящую фонарь, принялась беззастенчиво разглядывать его содержимое, весело вещая Чжан Юймину:

— Хозяин, кажется, это и есть тот бедняга, чье гнездо заняла кукушка. Ой... а это еще что такое?

Услышав вопрос 869, Чжан Юймин только собрался подойти поближе к саркофагу, как из-за спины донесся окрик У Саньшэна, осадившего Панцзы. Тут же плечо обожгло крепкой хваткой, и его резко дернули назад.

В поле зрения вместо каменного саркофага мгновенно возникла чья-то поджарая и хрупкая спина, после чего раздалось странное кудахтанье.

— Ку-ку-ку!

Чжан Юймин чуть приподнял брови, ошеломленно уставившись на спину впереди. Ему с трудом верилось, что этот звук мог исходить из уст вечно немногословного Чжан Цилин.

Чжан Цилин умолк, и над погребальной камерой повисла зловещая тишина. У Се немного подождал, но ничего не происходило, и он уже было собрался набраться храбрости, чтобы подойти и расспросить обо всем, как вдруг...

— Бам! —

Стоявший впереди каменный саркофаг издал оглушительный грохот. Невидимая исполинская сила сорвала крышку с места, та взмыла в воздух, сделав кульбит, и с тяжелым гулом рухнула обратно на гробницу с дикой, грубой силой. Следом оттуда донесся зловещий, жуткий скрежет.

869 в каменном гробу завопило от ужаса:

— Хозяин! Хозяин, спасите! Труп ожил!

Словно белая молния, стусок света вылетел из гроба, молнией забился за спину Чжан Юймина и вжался в него так плотно, будто хотел раствориться прямо на месте.

Чжан Юймин почувствовал, как прячущееся за его спиной 869 колотится от страха, точно моторчик электромопеда.

Не успел Чжан Юймин и слова сказать, как 869 принялось само себя утешать — голос дрожал, логика хромала на обе ноги, а слова не вязались друг с другом. Был задействован чистейший метод самовнушения и самоуспокоения:

— Не бойся, не бойся, ты же высокотехнологичная искусственная интеллектуальная система, ну как тебя может испугать эта антинаучная чепуха?! Соберись, надо верить в науку, мы сами — венец научного творения! Нужно верить в науку, наука — это истина, верь в науку, верь в себя... Ой-ой-ой, хозяин! Этот звук опять! Наука здесь бессильна!!

Буйное движение в каменном саркофаге, достойное ожившего древнего предка, не только перепугало пытавшееся вооружиться наукой 869, но и до смерти напугало всех присутствующих.

Чжан Юймин быстро огляделся: кроме старого лиса У Саньшэна, который кое-как держался на ногах и изо всех сил сохранял видимость хладнокровия, остальные побелели как полотно и боялись даже вздохнуть полной грудью.

Жуткие вопли и удары из каменного саркофага становились всё более безумными и зловещими, казалось, еще мгновение — и грянет катастрофа.

Дела принимали дурной оборот.

Взгляд Чжан Юймина заострился, он в упор уставился на саркофаг перед собой, рука под одеждой незаметно совершила движение, пальцы шевельнулись, и в ладони словно по фокусу материализовался желтый бумажный талисман, исписанный киноварью. Он уже собирался сложить пальцы в заклинание, как вдруг в голень пришелся ощутимый тычок.

Опустив взгляд, он увидел, что Чжан Цилин неизвестно когда опустился на колени, упершись ими в землю, чуть подавшись корпусом вперед, и спокойно смотрит на него.

Их взгляды встретились, и он мгновенно расшифровал замысел Чжан Цилин. Пальцы, зажимавшие талисман, ловко согнулись, и желтая бумага бесследно растворилась в воздухе так же внезапно, как и появилась, будто ее никогда и не было.

Пользуясь моментом, он в точности повторил движение Чжан Цилин: опустился на колени, подался корпусом вперед, опустил голову и послушно замер у земли, ожидая дальнейшего

развития событий.

Боковым зрением заметив, как исчез этот неуместный желтый огонек на кончиках пальцев Чжан Юймина, Чжан Цилин чуть заметно расслабил напряженные уголки губ и украдкой выпустил застрявший в груди воздух.

<http://bllate.org/book/20897/2112657>